

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВ

**ДВУСТИШИЯ, ЧЕТВЕРОСТИШИЯ
И МНОГОСТИШИЯ**

МСМХСІІ

XXX ЛЕТ

Олег Григорьев

**ДВУСТИШИЯ, ЧЕТВЕРОСТИШИЯ
И
МНОГОСТИШИЯ**

Ассоциация современной литературы

КАМЕРА ХРАНЕНИЯ

Санкт-Петербург

1993

Oleg Grigorjev. *Dvustishija, četveroshtisija i mnogostishija*

Compound © Association Kamera khranenija. 1993

Aftertword I © B.Ponizovskij

M.Maksimov

Aftertword II © Oleg Jourjev

Adresses of the Association "Kamera khranenija":

Dmitrij Zax, Roederbergweg 121, 60385 Frankfurt am Main, BRD

Россия, 197343, Санкт Петербург, ул. Матроса Железняка 33-55, Д.М.Закс

St. Petersburg – Frankfurt am Main

MCMXCIII

Олег Григорьев. *Двустышья, четверостышья и многостышья.*

Состав © Ассоциация "Камера хранения", 1993.

Послесловие I © Б.Понизовский (запись М.Максимов)

Послесловие II © О.Юрьев

Адреса Ассоциации "Камера хранения":

Dmitrij Zax, Roederbergweg 121, 60385 Frankfurt am Main, BRD

Россия, 197343, Санкт Петербург, ул. Матроса Железняка 33-55, Д.М.Закс

Санкт-Петербург – Франкфурт-на-Майне

MCMXCIII

Редакция выражает благодарность Б.Понизовскому за помощь, оказанную при подготовке этого издания.

The editors would like to thank Mr. B. Ponizovskij for his cooperation in this edition.

Редактор книги Д.Закс

Олег Григорьев
двустихия, четверостишия и многостихия

ДВУСТИШИЯ

Смерть прекрасна и так же легка,
Как выход из куколки мотылька.

— Что, если мир раскрутить посильнее?
— Подумай о бабушке, что будет с нею.

Друг от друга тянули блин.
Блин был кругл, а стал длинн.

Идем отрядом дисциплинированно,
Будто вся улица заминирована.

Засмотрелся на ивы плакучие,
Оказался в навозной куче я.

В давке меня исковеркали,
Будто в кривом зеркале.

Стреляли тучи точно танки,
А лопались, как стеклобанки.

Сверху расширился, снизу сузился,
Шел по проспекту я и конфузился.

Пойду пожалуйюсь маме,
Что луна зажата двумя домами.

Опустил в мумие ногу рахитичную,
А вытащил почти античную.

Друзья слетаются ко мне,
Горят, как мотыльки в огне.

Мне врач бока лечил,
Пока лечил, покалечил.

В крыше у нас брешь,
Хоть прыгай и всех перережь.

Жил и с этой, и с этой, и с той,
Вот и остался в квартире пустой. ..

Застал я с ним жену раздету
И объявил ему вендетту.

С измятой встали мы постели
От складок полосы на теле.

Ревел человек в коляске —
Видно хотел ласки.

И с ней, и без
Бешусь, как бес.

Упал я — вот неудача!
Кругом же смех вместо плача.

Если б знал, что падать тут,
Натянул бы я батут.

Раскрылись глаза в глазах.
Вся голова в слезах.

Мы разошлись, и как прежде
Спать я ложусь в одежде.

Окошко, стол, скамья, костыль,
Селедка, хлеб, стакан, бутыль.

Глаза безглазы и лица безлики
После прихода военной клики.

Вытекает на пол тесто,
Голос слышу я протеста.

Для обзорно-шумовой изоляции
Под окном я сажаю акации.

Пес тоскует на цепи,
А попробуй отцепи.

Чтобы выразить все сразу,
Кулаком я бью по тазу.

Учился в шести разных школах,
Но остался олухом олух.

Я волновался от страха,
Как на веревке рубаха.

У меня трещали колени,
Как пылающие поленья.

И вот сижу я взаперти,
Мне не выйти, ко мне не войти.

Сидоров впал в кручину,
Бросился с кручи в пучину.

Стою и не верю своим глазам —
Мимо меня прошел я сам.

С наперсниками разврата
Он торопился куда-то.

На Невском я встретил друга,
Он как бы пахал без плуга.

Скворцы ручьят,
Ручьи скворчат.

Сизова была угловатой —
Углы подбивала ватой.

Костю кузовом задели,
Кости в Косте загудели.

С кудрявой собакой подмышкой
Пробежал старик за мальчишкой.

По улице ходят люди с угрюмыми лицами,
Очень мало детей и много милиции.

Дерево взывало к вечности,
А ему ампутировали конечности.

В одной парилке парились двое —
Садист рыча, мазохист воя.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Наложил на рельсину
Тормозной башмак.
Надо ехать поезду,
А ему никак.

Воровал я на овощебазе
Картофель, морковь и капусту.
И не попался ни разу,
А все равно в доме пусто.

РАЗНОЕ

Курили с Колей анашу,
Сидели на паркете.
Он вешал на уши лапшу,
А я ему спагетти.

Мы с О сидели за К и ели Г.
Входит Т: «Здравствуйте О и Б».
И цап О за Ж.
Я беру Б и бью Т по Г.

Тухлый взбалтывал пряного,
Сырого, нагого, и пьяного.
А жухлый наматывал тухлого,
Поджаристого и пухлого.

Мальчик Шмяк и девочка Шлеп
Рвали к обеду с грядки укроп.
Вместо укропа собрали мак.
Мальчик — шлеп, а девочка — шмяк.

Все уменьшилось в мире.
Всем везде стало тесно.
Вот и в моей квартире
От давки окошко треснуло.

— Вы будете с нами обедать?
— Я пообедал и теперь каюсь.
Но если вы так настаиваете
Я буду сидеть, пока не проголодаюсь.

Тушил я пожар зонтом.
Ну что же — гори мой зонт!
Вместе с зонтом сгорел дом,
Впереди открыт горизонт.

Я с папой искал маму
И потерял панаму.
Нашел чью-то шляпу,
Но потерял папу.

Упал цветок в большом горшке,
Попал мне прямо по башке.
На голове цветочки
Прижились, как на кочке.

Тут играют в деньги
Маленькие детки.
Прыгают от стенки
Звонкие монетки.

Я к другу пришел налегке
Очень поздно, уже на рассвете,
И устроился спать в уголке,
Свернувшись, как завтрак в газете.

Старушка с куском мыла
Шла, ругаясь, кряхтя и хромая,
И вдруг на полном ходу вскочила
На задний буфер трамвая.

Я взял бумагу и перо,
Нарисовал утюг.
Порвал листок, швырнул в ведро —
В ведре раздался стук.

Лобастый схватил пупастого
И ну его купоросом красить.
Пупастый вырвался от лобастого
И ну его поленом дубасить.

Бархан — кочующая гора —
На доме моем ночевала.
Двери закрыла мои до утра,
А после откочевала.

Мальчишеская девчонка
Способом джиу-джитсу
Девчоночного мальчишку
Повергла ударом ниц.

Далеко-далеко от всяких кроватей,
От подушек и раскладушек
Лежал я на кочке, как на вате,
И слушал пенье лягушек.

Дети бросали друг в друга поленья,
А я стоял и вбирал впечатленья.
Попало в меня одно из полений,
И больше нет никаких впечатлений.

Пахнет утром, снег хрустит,
От дыханья пар летит.
Снег хрустит, как огурец,
Пар летит, как ряд колец.

Схватили за ногу правую
Меня и бросили в квас
К лягушкам, которые плавали
В квасе способом брасс.

Однажды Сережа и Оля
Попали в магнитное поле.
Напуганные родители
Еле их размагнитили.

Не свались в колодец, Ольга, —
Если прыгнешь в воду ты,
Потеряешь в весе столько,
Сколько вытеснишь воды.

В окне стоит человек
И от боли корчит рожу.
А может за ним другой человек
Снимает с этого кожу?

Кто-то не поленился —
Бросил кирпич в монумент.
От героя отбился
Самый важный фрагмент.

Пришли с бормотухой друзья.
В доме был беспорядок.
Возникла такая возня,
Что сразу пришло все в порядок.

Сизов умер, но ожил снова.
Сизова скрутили,
Сизова связали,
Похоронили живого.

Как проходняк квартира,
Но не иду я ко дну,
Один на один с миром
Честно веду войну.

Разбил в туалете сосуд.
Соседи подали в суд.
Слева винтовка, справа винтовка,
Я себя чувствую как-то неловко.

Поймали жидкого и сухого.
Сухого и жидкого закрыли на замок.
Когда проржавели петли засова,
Жидкий высох, сухой размок.

Прохоров Сазон
Воробьев кормил.
Бросил им батон —
Десять штук убил.

— Ну, как тебе на ветке? —
Спросила птица в клетке.
— На ветке — как и в клетке,
Только прутья редки.

Мазохисту на лавке
Втыкали дети булавки.
Не от тоски, не из шалости,
А втыкали от жалости.

На заду кобура болталась.
Сбоку шашка отцовская звякала.
Впереди меня все хохотало,
А позади все плакало.

Меня ударили вчера
Тяжелым аппаратом.
Вчера я круглый был с утра,
А к вечеру квадратный.

Один башмак мой чавкал,
Другой башмак пищал.
Покинуть предложили
Мне танцевальный зал.

Голым в речку я нырнул,
Благо рядом пляж.
Вышел — будто натянул
Черный трикотаж.

От меня шагах в сорока
Выклеывала сорока
Начинку из пирога,
Длинного, как пирога.

Трубка стреляла, как пушка,
Шипел и булькал табак.
Трубка с крышкой, будто кружка,
Захлопывалась громко, как мусорный бак.

Говорящий ворон на окошко сел
И мое жилище с грустью оглядел.
Он меня не очень оторвал от дел.
Не сказал ни слова, дальше полетел.

Зашли мы к Сизову с приятелем,
Закрыт на замок его дом.
Такой прием неприятен нам,
Ну что ж, подождем под дождем.

Бутылку чернил
Я в Неву уронил.
Как чернослив
Стал Финский залив.

Обломки стула
Лежат дома.
Отломки стула,
Отстучки лома.

Как у крупной птицы
Отрастил я крылья.
У соседей лица
Вытянулись в рылья.

В столовой с откусанным боком
Сидел я в котле глубоком.
Меня привлек сюда запах,
И вот у вампиров я в лапах.

Мой приятель Валерий Петров
Никогда не кусал комаров.
Комары же об этом не знали
И Петрова часто кусали.

Вдоль реки бежал Аким,
Был Аким совсем сухим.
Побежал он поперек —
Весь до ниточки промок.

Пляж давно опустел,
Дождь идет проливной.
Лежат отпечатки тел,
Заполненные водой.

Залез на столб я смоляной
Со страшным знаком смерти.
Коснулся проволоки рукой
И ничего... Поверьте.

Застрял я в стаде свиней,
Залез на одну, сижу.
Да так вот с тех пор я с ней
И хрюкаю и визжу.

У ГРОБА

Склонился у гроба с грустной рожей,
Стою и слушаю похоронный звон.
Пили мы с другом одно и то же,
Почему-то умер не я, а он

Был праздник с весельем и танцами,
Потом разодрался народ.
Во время драки мне пальцами
До ушей растянули рот.

В самую темную ночь
Проник в ювелирный отдел,
Действовал я в одиночку
И после о том не жалел.

Я спросил электрика Петрова:
— Для чего ты намотал на шею провод?
Петров мне ничего не отвечает,
Висит и только ботами качает.

Считал я в камере время,
Пальцы загибая со злом.
Но время не протекало,
А стягивалось узлом.

Случайно я жил в этом веке,
Случайно, однако отчаянно.
Потому что кругом человеки
Жили тут не случайно.

НЕВЕСТА

Чтоб напугать невесту,
Обмазал лицо я фэстом.
Позвонил в звонок электрический.
С невестой случился припадок
психический.

Злые дети с счастливыми рожами
По плечам моим и коленям лазали.
Дети ели большие пирожные
И кремом меня нарочно мазали.

Как бумажный парходик
Среди острых страшных льдин,
Грозно стиснутый народом,
Я лавирую один.

При внезапном громком стуке
Поднимаю вверх я руки,
Потому что в этом мире
Я как кукла в детском тире.

Жена моя наклонилась голая
Около унитаза,
А я ей воду на голову
Лью из медного таза.

Поставил посуду под кран,
Глухо треснул стакан.
Звонко и как-то весело
Жена оплеуху отвесила.

В квартире что-то упало.
Обошел весь дом,
Но нигде ничего не лежало.
А может, так громко что-то встало?

Участковый стал в двери стучать,
Я за ним в глазок следил, даже в оба.
С таким же успехом он мог стучать
В крышку моего гроба.

Жена торговала колбасой,
И так разъелась на колбасе она,
Что когда входила в бассейн,
Вода выходила из бассейна.

Пошел я на утопленницу
К озеру смотреть.
С такой бы вот утопленницей
Вместе помереть.

Шел домой я на ночлег,
С шайкой встретился калек.
Не помог ни бокс, ни бег,
Стал одним из их коллег.

На нос уселась стрекоза
И смотрит, выпучив глаза.
Через ее фасетки
Я для нее как в клетке.

Среди камней живым комком
Ползу один во тьме.
Хоть и свечу я светляком,
Ничто не светит мне.

Громадные, выше крыш,
Надо мной шелестели тополи,
Подошел какой-то малыш
И об меня вытер сопли.

Тонет муха в сладости,
В банке на окне,
И нету в этом радости
Ни мухе и ни мне.

Увязался М за Ж
И схватил ее за Ж.
Разозлилась Ж на М
Да как даст ему по М.

Я шел и рассказывал всем прохожим,
Как вчера ни за что получил по роже,
Пока один из прохожих
Не треснул по роже тоже.

Приехала жена из Сочи
Черная, как сапог.
Я даже вначале обрадовался очень,
Потому что сразу узнать не мог.

Лежу я в одиночестве
На человеке голом,
Ни на мужском, ни женском —
Каком-то среднеполом.

Растворил жену в кислоте...
Вот бы по кайфу зажили...
Да дети нынче пошли не те —
Взяли да заложили.

Жену я свою не хаю
И никогда не брошу ее.
Это со мной она стала плохая,
А взял-то ее я хорошую.

Внедряю я в землю бур
В зоне отрицательных температур.
Нефть добываю с газовым конденсатом,
А солдат на вышке стоит с автоматом.

Т. мыла пол
И ходила раком.
Налил я стакана-пол
И выпил с кряком.

Встало солнце рыжее,
Ничего не вижу я.
В очень яркой светлоте
Слепну я, как в темноте.

Лежу на мешке с сеном
И курю в потолок.
Бегают тараканы по стенам
Слышен топот их ног.

Убитую у сквера
Припомнить не берусь я.
По наколкам — Вера,
А по шрамам — Дуся.

С бритой головою
В форме полосатой,
Коммунизм я строю
Ломом и лопатой.

Смирнов, работавший около,
Чтобы меня огорчить
Купил фруктового сока
И стал с наслаждением нить.

Жили мы тесным кругом,
Стоя на двух ногах.
То, что хотели сказать друг другу,
Было выколото на руках.

Симульнул дурака сдуру,
Тридцать рублей пенсия.
Сижу и взбалтываю политуру,
Эх и крутая суспензия!

Пьем, пытаясь не упасть,
Мы бутылку за бутылкой.
Есть хотим, да не попасть
Ни во что дрожащей вилкой.

Стол стоял на полу,
А стакан стоял на столе,
А столяк стакал на поле,
А голяк стонал на колу.

Рожа моя полупьяная,
И от водянки пухлая,
Из тухлого сунулась в пряное,
Изпряного снова в тухлое.

Друг подавился треской,
Лежит на полу доской.
Из носа выходит пена,
То сразу, то постепенно.

Девушка в кустах полуголая
Выдала странный стриптиз.
Трусы сняла через голову,
А лифчик не верхом, а вниз.

Лежит жена на кровати
В рентгеноупорном халате,
А я в фуфайке на вате
Лежу в ногах у кровати.

Девочка красивая
В кустах лежит нагой.
Другой бы изнасиловал,
А я лишь пнул ногой.

Первую полчку справили,
Наставнику синяков наставили,
Под станком кукарекать заставили,
А потом под фрезу приставили.

Стою за сардельками в очереди.
Все выглядит внешне спокойно:
Слышны пулеметные очереди,
Проклятья, угрозы и стоны.

В вареную круто погоду,
В самый жареный час
Сырая масса народу
В песке на пляже пеклась.

Чтобы быть белей и краше,
С головы до самых ног
Галя мылась в простокваше,
И теперь она творог.

ЩЕЛЧОК

Пожелтел в саду стручок,
Обтянул горошины.
Неожиданный щелчок —
Горошины разброшены.

Крест свой один не сдержал бы я.
Нести помогают пинками друзья.
Ходить же по водам и небесам —
И то, и другое умею я сам.

Дом, полный крика людей и звона кастрюль.
Звон кастрюль, полный домов и крика людей.
Звон людей, полный домов и крика кастрюль.
Дом кастрюль, полный звона людей.

— Что легче нести? Человека в мешке
Или человека с мешком?
— Конечно, человека в мешке:
Человек в мешке собирается в ком.

Сидит на окошке Сизова нагая,
Ногти ножницами состригая.
Напротив Сазонов, тоже нагой,
Держит бутылку и манит рукой.

Ощупаешь живот — и остро печень
Отдаст, как бы пробитая гвоздем.
А за окном июльский теплый вечер
И девушка босая под дождем.

Сижу я у окошка,
Уткнув свой нос в стекло.
А с неба, как из носа,
Текло, текло, текло.

ЗВЕЗДЫ

Текут в поднебесьи звездные реки.
Очень красиво... это да!!!
Однако холодно быть человеком,
Если ты сам среди звезд не звезда.

РУБЛЬ

Аверс — реверс, реверс — аверс.
В школе в деньги мы играем-с.
Сделал выговор завхоз,
Вырвал рубль и унес.

По потолку проделав путь,
Приполз паук ко мне в кровать.
Решил его я обмануть
И под кровать забрался спать.

— Верните мне срочно штаны!
— А зачем? Ваши дни сочтены.
Ведь вы настолько больны,
Что вам и трусы не нужны.

От дома до нашего магазина
Ходьбы минут двадцать пять,
Но если в дороге сломать ноги,
Дорога будет месяцев пять.

Мы ждали в столовой супа из курицы
И ложками громко стучали о стол.
А суп кудахтал и кукарекал на улице,
А в столовую к нам не шел.

Наш очкастый Сиваков,
Тонконогий, слабонервный,
Обогнал учеников
И пришел на финиш первый.

Каблуков пошел на пляс,
Взял кастет на этот раз...
Встал, качась — зуба нет,
Нет часов, но есть кастет.

Топор, сквозь шею ушедший в плаху,
Не может вырвать никак палач.
Он от натуги порвал рубаху,
Раздался хохот сквозь общий плач.

То, что меня любило,
Больше всего и било.
А то, что я сам любил,
То и вовсе убил.

МНОГОСТИШИЯ

ВОЛЧОК

Ездил в Вышний Волочок,
Заводной купил волчок.
Дома, лежа на полу,
Я кручу свою юлу.
Раньше жил один я, воя,
А теперь мы воем двое.

КРИВЛЯКИ

Собрались кривляки кривляться —
Кто смешней скорчит рожу.
Не надо бы мне улыбаться —
Попал в их компанию тоже.
Был я в конкурсе зрителем,
А стал среди всех победителем.

СУП

Я шел и дул на суп,
Чтоб сразу сесть и съесть.
Он на пол — хлюп да хлюп,
Не смог я суп донести.
Весь суп я на пол сдул,
Голодным сел на стул.

КОГДА?

Людей стало много-много.
Надо было спастись.
Собрал сухарей я в дорогу
И посох взял опираться.
— Когда вернешься? — спросила мама.
— Когда людей станет мало.

ХОЛОСТЯК

Взял я кастет и нож.
Пошел добывать невесту.
Пришел на танцы, и что ж —
Люди танцуют так тесно,

Что не протиснуться меж.
Сплошные в джинсах ягодицы.
К тому же еще не поймешь,
Где парни, а где девицы.

Не поймешь... Ну что ж,
Снял кастет, коли так,
Сложил свой складной нож.
И пока еще холостяк.

ЛОСКУТЫ

Росли у Глаши-сварщицы
На голове цветы.
А Маруси-банщицы
Колючие кусты.
Летишь домой от Глаши
В духах и лепестках,
А ползешь от Маши
В кровавых лоскутах.

РОМ

Иван лежал с открытым ртом
В фуфайке на спине.
И сверху вниз кубинский ром
Лить приходилось мне.

Вдруг замечаю — что за черт?
Осталось мне так мало!
Я лью, да лью, а он уж мертв —
Грамм восемьсот пропало.

КУДА?

Люди куда-то стоят —
Прямо, потом назад,
В подворотню, сквозь дом,
В угол и снова кругом.
Мы проверили с другом —
Ни лавки, ни продавца.
Люди просто стоят друг за другом,
Без начала и без конца.

ПЬЕДЕСТАЛ

Стоит гранитный пьедестал,
Здесь будет монумент.
Я ловко — прыг — и в позу встал.
Меня низвергнул мент.

Оштрафовал на сто рублей,
А где я их достану?
На пьедестале мне ей-ей
Стоять не по карману.

ГЕНИЙ

Сачком поймал я гения
И оторвал крылышки.
Сажу на кухне весь день я,
Рвется пар из-под крышки.

Теперь мы с гением братья.
Однако отменный бульон!
А если не буду летать я,
Не полетит уж и он.

ИГРУШКИ

С на голове попугаем
И с в кармане ужом
Давай детей напугаем,
Игрушки их заберем...

А у них такие игрушки:
Гранаты и автоматы,
Бомбы, ракеты и пушки,
Притом еще кроют матом.

Дети нас так напугали,
Что мы убежали в свой дом
С на голове попугаем
И с в кармане ужом.

КУЗНЕЧИК

Зажав кузнечика в руке,
Сидел ребенок на горшке.
«Нельзя живое истязать!» —
Я пальцы стал ему ломать.

«Нельзя кузнечиков душить!» —
Я руки стал ему крутить.
На волю выскочил кузнечик,
Заплакал горько человек.

ВДВИЖКА

КА-НА-ВА-ГОН-КО-БЫЛ
В КИ-НО-НЕ-ДО-МА-МА
ША-ТА-ЛА-ПУХ-НУЛ Я-
ОТ-О-БЕ-ДА-И КЛИЗ
МУ-ЧАЛ-КОШ-КУ-СКОМ-
СТЕК-ЛА-МПЫ.

(перевод)

Канавка. Вагон. Гон кобыл.
Был в кино, но не дома.
Мамаша шатала лопух.
Пухнул я от обеда и клизм.
Мучал кошку куском стекла лампы.

СТУПОРОЗ

Напали на деда Мороза,
Отняли подарков мешок.
У деда странная поза,
Случился с ним нервный шок.

Застыл, как столб, дед Мороз —
Острый, видать ступороз.

БЛОКАДА

Ем я лепешку из жмыха,
Держу наготове наган.
С криком промчался лихо
Мимо меня мальчуган.

Вырвал из рук лепешку,—
Я пулю пустил ему вслед,
Разжал худую ладошку,
А лепешки уж нет.

В СПАЛЬНЕ

А в спальне дева
Полураздева
Расплела роскошные косы свои
И скатывала в баранки
Чулки фильдекосовые.
(или)
И свесив роскошные перси свои
Скатывала в баранки
Чулки фильдеперсовые.
Как черт из сюрпризной коробки,
Из шкафа вдруг выскочил вор.
Хоть дева была и не робкой,
Однако — шлеп на ковер.

Проказливый был воришка —
Заставил скатать и штанишки.

ПЕРВАЧ

Сижу я на стуле,
А рядом двойник
Из бака в кастрюлю
Провел змеевик.

Горький из бака
Доносится плач.
Веселый, однако,
Удался первач.

КАТУШКА

Я увидел за рекой
Маленькую старушку,
Она катила ногой
Кабельную катушку.

Следом бежали строители,
И кулаками махали,
Она же неслась так стремительно,
Что работяги отстали.

Катушка размером с дом.
Ну и прыть у старушки!
Бульдозер и то с трудом
Толкает такие катушки.

ДЕДУШКА

Вот и скончался дедушка,
Сажу у окна и тоскую.
В окошке напротив девушка
Расчесывает другую.

На плечи намазала голые
Какую-то белую массу.
Потом повернула голову
И скорчила мне гримасу.

А после первая девушка
Расчесывать стала другую...
Вчера у меня умер дедушка,
А не о нем я тоскую.

СПИЦЫ

Бабушки внукам носки вязали,
Сидя на табуретках.
А внуки желуди в них бросали,
Качаясь верхом на ветках.

Невозмутимо старушки сидели
И щебетали, как птицы.
Когда же внучата вниз полетели,
Под зад им подставили спицы.

МОРЯК

Молодой моряк в матроске
Вышел к берегу реки.
Снял матроску по-матросски,
Снял морские башмаки.

По-матросски раздевался,
По-матросски он чихнул,
По-матросски разбежался,
И... солдатиком нырнул.

ПОМОГ

Яму копал?
Копал.
В яму упал?
- Упал.
- В яме сидишь?
- Сижу.
- Лестницу ждешь?
- Жду.
Яма сыра?
Сыра
- Как голова?
Цела.
Значит живой?
Живой.
Ну, я пошел домой.

БУКЕТ

Продавец маков
Продавал раков.
Тут подошел
Любитель маков
И возмутился,
Увидев раков:
— Вы, кажется,
Продавали маки,
А у вас тут
Сплошные раки.
Ну и что же?
Сказал продавец.
Не все ли равно,
Наконец!
Вареный рак
Красен, как мак,
По-моему так,
А по-вашему как?
Да, это так.
Сказал любитель маков.
Хоть я и не любитель раков,
Но коль сегодня маков нет,
То дайте раков мне букет.

ДРОЖАЩИЕ СТИХИ

В запертом зале
Вздрогнуло что-то,
Будто ударил
Кто-то кого-то.

Дрожащий папа
Дрожащей рукой
Дрожащую маму
Повел за собой.

Дрожащую дверь
Открыл в темный зал,
Там кот дрожащий
На лавке дрожал.

Дрожащие стекла
В окнах дрожали,
Дрожащие капли
По стеклам бежали.

Сидела на раме
Дрожащая мышь.
Сказал папа маме:
«Ну что ты дрожишь?»

Ты просто трусиха.
Здесь нет никого,
Спокойно и тихо,
Дрожать-то чего?»

Так папа сказал...
Но, выйдя из зала.
И папа дрожал,
И мама дрожала.

НА СОБРАНИИ

Председатель Вова
Хотел взять слово.
Пока вставал,
Потерял слово.
Встал со стула
И сел снова.

Потом встал опять,
Что-то хотел сказать.
Но решил промолчать
И не сказал ни слова.
Потом встал.
Потом сел.
Сел — встал,
Сел — встал,
Сел — встал
И сел снова.
Устал
И упал,
Так и не взяв слова.

БЫЛИНА

Сидит Славочка на заборике,
А под ним на скамеечке Боренька.
Боренька взял тетрабочку,
Написал: «Дурачок ты, Славочка».
Вынул Славочка карандашнице,
Написал в тетрадь: «Ты дурачнице».

Борище взял тетрадищу
Да как треснет по лбищу Славищу.
Славища взял скаменищу
Да как треснет Борищу в шеищу.

Плачет Славочка под забориком.
Под скамеечкой плачет Боренька.

Сказал я девушке кротко:
Простите за нетактичность.
По бьет ваш и торс, и походка
Напомнили мне античность.

Она мне в ответ со вздохом:
– Простите, но ванне сложенье
Напомнило мне эпоху
Упадка и разложенья.

ПЕСНЯ ПРО ТЕСТО

Громко в дом раздался стук.
Ну, а я ни с места.
Мне никак не вынуть рук
Из густого теста.

Постучали и ушли —
Экая досада!
Прибавлять сырой воды
Больше в тесто надо.

СВЕКРОВЬ

Видите, она какая:
Сидит, сухарь в молоко макая.
И древняя, и дряблая,
Сидит, губой дерябая.

А ей, рябой и древней,
Как раз бы жить в деревне.
А ей, и старой, и глухой,
Как раз ворочать бы сохой.

Она зловредна, как пиявица.
Нам надо от нее избавиться!
— Не говори так о мамаше,
Насыпь-ка лучше в миску каши.

ТЫКВА

Григорьев Олег ел тыкву
И упал в нее с головой.
Толкнули ногой эту тыкву,
Покатили по мостовой.

Катилась тыква под гору
Километра два или три,
Пока этот самый Григорьев
Не съел ее изнутри.

В КАМЕРЕ ПЫТОК

Я сижу в болевом режиме.
Палач визжит, как от пытки.
Яйца мои в винтовом зажиме,
У меня терпенья в избытке.

Альгвазилы на крик собрались:
Палач воет, а я молчу.
И вот местами нас поменяли,
Сижу и сжимаю яйца палачу.

Палач спокоен, а я содрогаюсь.
Палач в хохот, а я в плач.
Впрочем, местами мы поменялись:
Жертва хохочет, а плачет палач.

Мясник Сизов, бычью тушу рубя,
Повернулся как-то целовко
И захлопнул навек себя
В холодильную установку.

Почти через тысячу лет
Оттаял мясник Сизов,
Глядит, ничего кругом нет:
Ни скота, ни людей, ни домов.

В поле пошал агитатор
Под фрезерный культиватор.
И так же как предыдущий,
Смешался с навозной гущей.
Сам с головой залез
Под прицепной плоскорез.
— Давай его в бункер сбросим
Навозоразбрасывателя РЖТ-8.
Уж лучше под плуг ножевой.
Ведь как будто еще он живой.

ШЕКСПИРТ

СОNET 301

Виталику Угриновичу

Закиня ноги гениально
Она уперлась в потолок.
А я в углу сидел бездарно
Пустой, как скатанный чулок...

Вот так, все таинства на свете
Перелистнула мне она.
Теперь я зна... откуда дети,
И мир, и горе, и война.

И наслажденье и страданье,
Игры любовной волдыри,
Сиянье звезд и мирозданье —
Все где-то там в ее нутри.

В какой-то малой спирохете
Весь мир со звездами и дети.

СОNET 302

Я приглашен на этот пир!
Меня не позабыли боги.
Я погружаюсь в неги мир,
Торчат из неги только ноги.

Глаза в глаза, к ребру ребро,
Спряглись единой пуповиной.
Я опускаюсь, как ведро,
В мерцанье звезд на жерди длинной.

Спирали-шестерни миров
Спирали нас, несли и грызли.
— Ворк крови — ворохи хоров —
Нарывы ран — и — розы вызор —

Одной утробы близнецы,
Срастались мы сосцы в сосцы.

Оделся во все я красное,
Пошел воровать помидоры.
Дело это опасное —
Помидоры растут коридорами.

Из-за угла как дали мне
Чем-то тугим по башке.
В общем домой прибежал я
С одной помидорой в башке.

КУБ, ШАР, ЦИЛИНДР.

Е.Р

Жил художник-кубист в комнатухе.

Куб, шар, цилиндр —

Продал картину, купил бормотухи:

Десять литров и еще литр.

Пригласил поэтов, писателей.

— Куб, цилиндр, шар —

Передрались, уснули приятели,

В комнате вышел пожар.

Утром белые санитары

Выносили за трупом труп.

Все забрали, в углу лишь оставили —

Шар, цилиндр, куб.

Я мялку вынимаю

И начинаю мять,

Кого не понимаю,

Не надо понимать.

А то, если подумаешь,

И что-нибудь поймешь,

Не только мялку вытащишь,

А схватишься за нож.

ЖЕМЧУЖИНА

Букахин был ростом с вершок,
А бороду имел недюжинную.
Взял он раз гребешок,
Вычесал из бороды жемчужину.

Жемчужина с куриное яйцо!
Понес Букахин ее к ювелиру:
У того от удивленья вытянулось лицо —
Такие жемчужины не известны миру!

Древняя рукопись говорила
О жемчужине с яйцо птицы овсянки,
Но ее Клеопатра в вине растворила
Во время одной пьянки.

Сказал ювелир, сверкая очами:
«Поздравляю вас, гражданин,
Но я не смогу расплатиться с вами,
Даже если отдам вам весь магазин».

Букахин разгладил бороду,
Завязал жемчужину в носовой платок.
Весь день он без толку шатался по городу:
Нигде драгоценность продать не смог.

С горя выпил Букахин полбанки —
Жемчужину бросил на дно Фонтанки.

ТЫ

ГЗ

А вот и ты появилась,
Как некий во тьме просвет.
Такая же, как и приснилась
Тому восемнадцать лет.

С железными одуванчиками,
В свинцовых шмелях и жуках,
Вся в каменных птицах и бабочках,
И скрипучих ремнях.

И душные кудри качались,
Как вырезанные из корня.
И грохнулся я кирпичами,
И вырос лопух из меня.

Пришла в воскресенье Светка:
Скинула мокрую тогу,
И села на табуретку,
Ногу задрав на ногу.

А после влетела Жанка,
В синих джинсах в обтяжку:
Уселась на оттоманку,
Ляжку закинув за ляжку.

А после ввалилась Лара
Ко мне, под шафе слегка:
Легла и ноги задрала
До самого потолка.

УГРО

творема

Было раннее утро,
А уже стучит угро.

В это раннее утрило
Мы сидим с ним рыло в рыло.
«Не подпишешься?!...Ну что ж...»—
Он раскрыл складной свой нож.

В это раненое утро
Он решил вспороть мне нутро.

Отбивался я как мог,
Вдруг — звоноок, звонооок, звонок.

С топорщившемся из кармана топорищем
Вошел Сизов — старинный мой дружище.

И как Раскольников несчастную старуху,
Инспектора угро он хватить обухом.

Пугая кошек и собак,
Снесли мы труп в помойный бак.

И вдруг из бака постепенно
Растет, как удочка, антенна.

Из под картофельных очисток —
Пик-пик — звучит светло и чисто так.

И даже стало как-то жалко,
Что въехала тут самосвалка.

Я бак захлопнул на замок
И в бункер погрузить помог.

Теперь ни в утро, ни в утро
Ко мне не ломится угро.

Нашел он, видимо, покой
Вдали, на свалке городской.

ЙОГА

Я получил замечание.
Папа пришел в восторг,
А мама в отчаяние.

«Поведение вашего сына
Внушает тревогу:
Он изучает йогу,
И вместо руки подает ногу.

Детям, конечно, полезно
В движениях разнообразие,
Но бегать по потолку --
Это уже безобразие!

Законов физики не признает он совсем,
В коридоре на люстре качается,
За партой сидит в позе Дзен,
Терпенье мое кончается.

И хоть он учится на отлично,
Поведение его не этично.
Даже можно сказать разлагающе:
Физрук под его влиянием
Ходит как-то летающе.

А учитель ботаники цветами порос.
Химик на уроке
Превращается то в ртуть, то в купорос.
А учитель истории
То в Цезаря, то в льва, то в гладиатора.
Но у нас же школа,
А не подмостки театра.

Вот и я поддался йоге немножко --
Улетаю из класса прямо в окошко.
Хоть в школу вхожу
Через парадные двери...
Прошу принять против йоги
Самые строгие меры».

ТАНЕЦ

Закинув в угол ранцы
На лестнице крутой
Мы танцевали танцы
Под бака стук пустой.

Выкидывая ноги
Вперед, назад, крестом,
Оглоблями, колесами,
Вертелись мы винтом.

Вдруг дворник залетает
Большой и страшно злой.
И живо выметает
Всех нас во двор метлой.

Выкидывая ноги
Вперед, назад, крестом,
Мы катимся колесами
И покидаем дом.

ДОРОЖКА

Принес я подмышкой дорожку,
Свернутую в рулон.
Жена открыла окошко
И выкинула ее вон.

Нет, не понять мне женского полу —
Хожу босой по холодному полу.

ГВОЗДИ

Пришел Сазонов помогать
Кривые гвозди распрямлять.
Купили бормотухи
Да хлеба полкраюхи.
Задули по бутылки,
А о гвоздях забыли.
Потом исчез куда-то он,
Принес еще фугас-патрон.
Потом пропал куда-то я
Затерли сумками меня.
Пошли, бутылки сдали
И по новой поддали.
Потом еще два стакана...
Скажи, ты он или она?
А почему на лавке
Лежат се булавки?
А почему на полке
Лежат се осколки?
А это что за гости,
Прямые точно гвозди?
А для чего им пряжки?
А почему фуражки?
Они нас уважают
Вот, видишь, провожают.
Да что теперь уж о гвоздях.
Проснулись мы у них в гостях.
Одну не надо было пить.
Пойти бы и гвоздей купить.
Не надо было б распрямлять...
Ну, приходи ко мне опять.

ВИНТЫ

А.Драбкиной

Я думал, что я великан,
А меня опрокинули и налили в стакан.
Я думал, что в комнате я да ты,
А между нами какие-то рты.

На голове моей крышка,
Как бескозырка у матросика.
Меня подняли
И стали пить прямо из носика.

Тогда я намылился
И стал выскользывать у всех из рук.
Мало того, что выскользываю,
Дык еще и глаза проедаю,
Как какой-нибудь чеснок или лук.

Прыгнул в песочную кучу,
Сижу, вытряхиваю сандалии.
А подо мной и передо мной,
Около меня и надо мной
Вращаются какие-то детали.

То свинтятся, а то развинтятся зачем-то.
Пригляделся: не просто отломки,
А то, что свинтившись с другим
Становлюсь третьим чем-то.
Зарябило в глазах от верченья.
Взял одну деталь —
Упругая на изгиб, податливая на крученье.

Вроде «неси» или даже «пронзи».
Я хотел встать и бежать,
Но сам закружился вокруг своей оси.
Заболела голова.
Вот и ко мне привинтились —
Был я один, теперь два.
Потом три, четыре, пять, шесть, семь...
Потерял счет.
Вдруг все разом распалось,
Но сразу же привинтилось что-то еще.
Но и это отпало,
Остался лишь шрам на коже.
Тут я понял, что надо и мне
Свинтиться с кем-то тоже.
Свинчивался и отвинчивался,
Свинчивался и отвинчивался,
Свинчивался и отвинчивался
С кем только мог.
С одним так свинтился,
Что долго потом отвинтиться не мог.
Вдруг пришла мать,
Родные, друзья, учителя.
Я перед их глазами вертелся,
Кричу им: «Смотрите, да вот же я!»
А они спрашивают, куда я делся?
Мол, отбился от рук, сбежал куда-то,
Совсем не учусь.
А я перед самым их носом
Кручусь,
Кручусь,
Кручусь,
Кручусь.

МОТЫЛЕК

Мне дали денег на букет
Но я проел их вмиг.
Букета нет и денег нет,
Залез в чужой цветник.

Меня схватила в цветнике
За шиворот рука.
Я превратился в той руке
От страха в мотылька.

Порхаю тихо и легко
С цветка я на цветок.
Вонзаю в рыльце глубоко
Свой длинный хоботок.

БОТЫ

I

Лежу в теплоте совершенно нагой,
Вдруг кто-то тронул холодной ногой.
В постель-то я, помнится, лег один
И в ноги не клал ни камней, ни льдин.

Встал с постели, включил свет –
Никого под одеялом нет...
Кроме черного грязного бота.
Да... значит тут был кто-то!

Ночью взглянул в окно я —
Напротив в квартире ругаются двое.
Особь женского полу
Что-то как хсватит с полу.
Летит ко мне это что-то...
Так получил я два бота.

II

Утром надел я боты
И пошел на земляные работы.
Наступил на бетонную смесь.
Вначале ушел по пояс,
Потом весь.
Но не дали погибнуть так рано —
Вытянули крюком самоходного крана.

III

На мою голову,
На мою спину,
На мои ноги,
На мои плечи
Давит мешок с песком.
Упал я ничком, как ком,
С высунутым языком,
Еле отпили молоком.

IV

Я в шкафу оставил боты,
Босиком ушел с работы.
В лавке взвесил колбасу
И домой ее несусу.

Кто-то сумрачный взял лом
И укрылся за углом.
А Петрова, свеся груди,
Смотрит вниз, как ходят люди.

Ходят люди, я ползу —
За углом ударом лома
Отобрали колбасу.

КИРПИЧ

Весь день меня Сизов поил,
За окнами смеркалось.
Он что-то важное таил,
А может так казалось.

Он подмешал мне яд в бокал,
Из трубки пепел выбил.
Вино я тайно расплескал,
Но сделал вид, что выпил.

Упал в одежде на кровать,
Лежу, как будто мертв.
Он влез на шкаф и стал срезать
Со стенки натюрморт.

Там за холстом, ключом стуча,
Открыл в стене он дверцу,
Взял золотых три кирпича.
Мне стало плохо с сердцем.

Всю жизнь прожил тут и не знал,
Что рядом за стеной..
Я повернулся и сказал:
«Один кирпичик мой!»

Всю жизнь прожил тут и не знал,
Но видно зря сказал..

Иду я утром на завод,
В бока толпа толкает,
Вахтер меня не узнает
И в цех не пропускает.

Портрет не тот! А я причем?
Меня ушибли кирпичом.

ВСЕ

I

— Мы знаем про вас все.
— Что?
— Все, что нам нужно знать.
Возьмите с собой белье
И сухарей дней на пять.
И собирайтесь скорей.
— Но я не сушил сухарей!
Куда вы меня ведете?
— Не ваше дело,

Идите весело, будто к тете,
Не напрягайте тело.
Смотрите с бодростью вдаль.
— Но у меня нет никакой тети!
— Очень жаль.

II

— Почему вы молчите?
— У меня отрезан язык.
— А что же вы говорите?
Без языка издают только крик.

— Я работал в цирке чревовещателем
И умею чревовещать.
— Отвечайте, где вы были вчера с приятелем,
А не то сейчас будете чревовизжать!

III

Чревовизжание.
(свободная импровизация криков,
воплей, хохота от боли)

IV

— Почему вы сидите?
— Но мне не на чем больше идти.
— Не можете идти, так ползите,
А то сейча не на чем будет ползти!

ДРАКА

На кухне дерутся опять.
Сизов решил поразмяться.
Но вышел не драку разнять,
А чтобы в нее ввязаться.
А я кальсоны стираю
И ничего не знаю.
Сизова ударили стулом,
Герцу подбили глаз.
Кота запихали в кастрюлю,
А Көмову в унитаз.
А я заправляю грыжу
И ничего не вижу.

ЯБЛОКО

Жена подала мне яблоко
Размером с большой кулак.
Сломал пополам я яблоко,
А в яблоке жирный червяк.
Одну половину выел,
Другая чиста и цела.
С червем половину я выкинул,
Другую жена взяла...

И вдруг я отчетливо вспомнил -
Это было когда-то со мной:
И червь, и сад, и знойный полдень,
И дерево, и яблоко, и я с женой.

АЛМАЗ

Стекольщик Зотов куском алмаза
Резал стекла с одного раза.
Прислонял к батарее стекла,
А обрезки бросал в стружки около.
Напивался и спал тут в мусоре и духоте,
Умер от политуры в полной нищете.
И вот оказалось — на свой алмаз
Он мог бы прожить десять раз.

ТРАВИЛЬЩИЦА

В тяжелом фартуке, в заглушках и очках,
В ударостойких прочных сапогах,
С перчатками из полихлорвинила
Она аккумуляторы травила.
Среди мазута и кислот активных
Плескалась в щелочах и средах агрессивных,
А после смены, туфельки надев,
Была изящнее на Невском прочих дев.

РИХТОВКА

Ремонтник Боков у оцинкованного станка
Отрабатывал приемы хватки зубила и молотка.

— Эк ты неловко!

Ответь, Боков, в чем заключается рихтовка?—

— В растяжении металла.

— Нет, Боков, этого мало.

Даже для такой простой операции,
Как рубка или разметка,
Нужна ловкость и рабочая сметка.

К примеру, берут какие-нибудь
деформированные куски

И зажимают их в тиски.

И если неверно держать молоток и зубило,
В конце месяца не дадут ни денег, ни мыла...

Вот Котов намедни правил ось молотком,

Так не только не выправил,

А вообще смял ее в ком... —

Вечером Бокову дали

Искореженные детали.

Боков ударил не прямо, а с перекосом,

Отлетел кусок, кровь пошла носом.

Выправить ось

Не удалось.

А также и остальные детали.

В конце месяца, как и Котову,

Ни денег, ни мыла не дали.

ЛЕНТА МЕБИУСА

В.Афанасьеву

Снег с дождем хлестал в первомой,
Поскользнулся и чуть не попал под автобус я.
Проехал по галоше моей трамвай,
Галоша превратилась в ленту Мебиуса.

Намотал эту ленту кой-как
На чуть не отрезанную ногу тощую,
Хотел на парад бежать, да никак —
Вывернулся на изнанку я с этой галошей,
И оказался везде.
И сразу мне стало всяко.
Даже не двояко или трояко,
А как-то двадцатиряко.

Будто я нарисованный,
Скольжу, меж людей спрессованный.
Словами не передать,
А если и передать,
Ничего никому ни за что не понять:

Вот сижу за столом на стуле,
Над уроками спину сутуля,
И смотрю на себя в окно,
Где я другой, как в кино,
Который толкнул девчонку,
Которая взвизгнула громко,
Уронила в лужу панаму
И зовет маму...

И тут же большая гора,
И я на вершине горы.
Но эта гора — дыра,
И я на дне той дыры.
То есть дыро-горы, или горо-дыры...

Площадь, радостный праздник,
Летают цветные шары.
Мать говорит:
— «Ну что же, ты, безобразник!
На тебе,
На тебе,
На тебе,
На!»
Но это не мать, а жена.
Трясет, на работу будит,
И даже еще не жена,
А та, что еще когда-то женою будет.

Вонзила в спину заколку,
А я взял веник и лезу на верхнюю полку.
Завуч с тазом скатился,
Вот ему и конец.
Над мертвым мертвец склонился,
Ощупал себя — и я мертвец.
Что это?!

Склеп или класс нашей школы?
Сидим за партами без трусов.
Но и учитель наш тоже голый!
А рядом Катя, которая Коля, который Лена.
Вдруг из меня вырастает полено

И превращается в новогоднюю елку.
И я как бы крест к этой елке,
Все лезу, лезу и лезу на верхнюю полку,
Как на листе нарисованный,
Детьми совершенно спрессованный.

КОЛЯ

Коля вступил за меня в битву.
Как же его мне благодарить?
Я парикмахер, раскрыл бритву,
Схватил за нос и стал его брить.

Я брею, а брить-то нечего.
Борода у него не растет.
Так вот брить его можно вечно,
А он выкручивается и орет.

Что-то злое сквозь пену гундосит.
Чуть не оттяпал ему я нос,
Видно бриться он не переносит.
Разозлился Коля до слез.
Что понапрасну крем растранижировать,
Бросил в кровать его, стал массажировать.
По науке дублю его кожу.
Он трясется и снова орет,
Корчит от боли страшную рожу,
Растянув вертикально рот.

Я ташу его голого в ванну,
Открываю кран широко.
Коля ведет себя как-то странно,
Стало держать его нелегко.

Завернул я его в одеяло,
Поволок на кухню кормить.
Я хотел угостить его салом,
И до смерти упоить.

Но, к сожалению, после ванной
Коля был уже бездыханный.

РОДНИК

Я ломом камень отвалил,
И вдруг забил родник.
Я из ключа еще не пил
И к роднику приник.

Вода колючая, как лед.
От первого глотка
Я ощутил как бы полет
Стал легче мотылька.

И закачалось все вокруг.
Еще один глоток –
И я качнулся на ветру,
Как тоненький цветок.

Мне дальше надо бы идти,
Но стал я вроде камня.
Не отойти, не отползти
Никак от родника мне.

А через миг я вовсе сник
И в воду повалился.
Прохлюпал жалобно родник
И навсегда закрылся.

АБСТИНЯГА

Коля встал и упал,
Но Витя его поднял.

Сергей тяжело дышал,
Андрей в ознобе дрожал.

А Боря сидел на столе.
Вдруг видит —
Сизова летит на метле.

Боря тоже упал,
Но Витя его поддержал.

Витя — он очень ловкий,
Всех поставил снопом,
Как ставят винтовки.

Но Коля снова упал,
Андрей уже не дрожал,
Сергей уже не дышал...
Витя тоже упал.

СЫРЬЕ

В стужу я в тапках иду
И приплясываю на ходу.
Засунув руки в карманы,
Стоят пятилетние хулиганы.

- «Эй ты, черпак для шей!»
Иду мимо, пропускаю мимо ушей.
«Дай закурить, говорю!»
«Товарищи, я не курю...
Сам не курю и вам не советую!»
Вот за эти слова на себя я сетую.
Чем-то ударили в бок.
Я тихо осел и прилег.
«Давай поддадим».
... «Я не поддающий».

Стали бить еще пуце.
- «Эх ты, сырье для мыла!
Хоть бы тебя раздавила бацилла».
К вечеру я занемог,
Ни есть, ни пить я не мог.
А ночью меня трясла и душила
Большая взлохмаченная БАЦИЛЛА.

НА БАЛКОНЕ

Сижу на балконе,
Смеркается.
Вдруг сверху
Кто-то сморкается
Прямо в компот с алычией!
Это, наверное, Крошкин.
Наполнил бутылку мочей,
Закинул ему в окошко.

Сижу на балконе,
Смеркнулось.
Вдруг сверху
Что-то сморкнулось.

Нет, это не Крошкин, наверное.
Однако, все это скверно.

РАНА

Я хвастаю раной на животе
Перед группой девчат.
— Вот это да! — восхищаются те,
И в рану палец вложить норовят.

Вперед гробилась самая резвая.
Малый рост, а сила недюжинная.
— Смотрите, рана-то колото-резанная!
— Не колото-резанная, а рвано-укушенная.

Стою и внимаю с ужасом:
В какую оргию втянут я.
Ведьмы терзают меня и кружатся.
Открылась рана полузатянутая.

Надо бы рану перевязать
И «Скорую помощь» вызвать...
Кончили ведьмы меня терзать,
Принялись кровь зализывать.

СЛЕЗЫ

Горькие, длинные слезы из глаз по щекам
на плечи

Как парафин из свечек
Каплют,
Пол протыкают,
Соседи снизу визжат —
Слезы мои черепа им насквозь прожигают.

А семечки от яблоков
Решил я закопать.
Не надо будет яблоки
На рынке покупать.

Один человек жил боком,
Другой — спиной,
А Сатана представлялся Богом,
А Бог прикидывался Сатаной.

А семечки от яблоков
Решил я растоптать —
Не надо будет яблоки
С веток собирать.

Человек в мой голове поселился,
Двигает мебелью, кашляет и ругается.
Ходит из угла в угол по комнате,
Голова моя из стороны **в сторону** качается.

Я травлю его спиртом и кокаином,
Выкуриваю гашишем и табаком.
А он опрокидывает ящики с инструментами,
И вбивает гвозди в затылок молотком.

ЗА УГЛОМ

Купили вина сосуд,
Стоим за углом и пьем.
А рядом дети сосут
Одну бутылку втроем.

С ребятами переглянулись,
Угостили их папиросами.
А утром с другом проснулись
И пагими, и босыми.

ДВОР

Девочка Оля с скакалкой в руке,
(Я с ней познакомился на чердаке)
Сказала: « Давай целоваться!»
Да как хлестнет меня по спине
(Я только целуюсь наедине)
От боли я стал кривляться.

Ударом гладилки свалила в кровать
Пошла и включила газ.
И стала щипцы на огне раскалять,
Наверно, чтоб выколоть глаз.

Надо было спастись срочно,
Оля стояла задом.
Через окно по трубе водосточной
Я вылез и бросился за дом.

Люба, похожая на водокачку,
Сделала знаком: «Привет!»
Пальцем меня поманила в прачку
И потушила свет.

Я думал, что будет Люба
Опять щекотаться со мной,
Но Люба взяла и толкнула грубо
Меня в раствор щелочной.

Я вылезал, а она окунала,
Схватив за волосы ловко.

Потом отжала и убежала,
Повесив меня на веревку.

Мимо Оля с щипцами промчалась.
Я крикнул: «Спасите меня!»
Но Оля промчалась и не призналась,
Она позабыла меня.

Вися на зажимах я очень скучал,
И думал: «О, кто бы меня украл!»
Но был я дыряв и не отутюжен,
Так и усох никому не нужен.

КУПОЛ

На углу стоит старушка,
Горб ромашками порос.
Для монет большая кружка
Синий нос, как купорос.
Как клубничная конфета
Сине-красно-фиолетов.

За углом собор безглавый,
Воронья над ним оравы.
Как-то летом ночью бледной
Сбили паземь купол медный.
Варят в нем теперь, как в чане,
Для всего района кашу.
Для всего народа щи,
Хоть кнутом его хлещи...

На углу стоит старуха
Горб ромахами порос,
Для плевков большая круха,
К подбородку нос прирос.

ДРУЖБА

Коля Тарелкин с Катей дружил,
А Катя дружила с мышами.
Он к ней под окошко стоять приходил
И умел шевелить ушами.

Она говорила: «Ну что ты стоишь?
Входи, ведь на улице дождь».
К щеке прижимала белую мышь,
И Колю бросало в дрожь.

Повесит Тарелкин шапку на крюк,
Чтоб подвигать ушами.
Стаи мышей соберутся вокруг
И Катя займется мышами.

Большая обида Колю взяла,
В мешок он котов наловил,
И когда на собрание Катя ушла,
Котов к ней в окно запустил.
Приходит он к Кате, счастливый на вид,
Что так рассчитался с мышами —
Красивая Катя в кресле сидит,
Окружена котами.

ЩИ

Купил капусту и свеклу,
Стою на кухне, варю щи.
Раздался звон, посыпались стекла,
В дом ввалились товари-щи.

Притащили девицу пьяную,
Она орет, как помешанная.
В кастрюлю я зелень пряную
Бросаю и ложкой помешиваю.

Джинсы стащили ловко,
Крик ее храпом стал.
Аккуратной шумовкой
Я мутную пену снял.

Сижу и тихо из миски
Ложкой хлебаю щи.
А рядом девицу тискают
Бурно товарищи.

ТЕНИ

Мы чай варили на огне,
Густой, как вар, чифир.
Плясали тени на стене,
У них тут был свой пир.

И если кто-то дул в очаг
(Мы чай варили в каске)
Тряслись, усиливая мрак,
В святого Витта пляске.

Огонь стал ярче, и они
Попрятались в углы.
Когда ж легли мы, как могли,
Они под нас легли.

Всех одолел тяжелый сон.
И свет в печи угас.
Сползлись впритык со всех сторон
И придушили нас.

СИЗОВ

Я шел во тьме на зов,
Пришел уже на вопли.
В кустах лежал Сизов
И кровь текла, как сопли.

– Эй, друг, да не ори,
Влезай ко мне на плечи.
Большие фонари
Светили, точно свечи.

Я шел, а он икал
И по карманам шарил.
Вдруг за спиной сказал:
— За что меня ударил?

И сразу стал душить;
А ведь душил напрасно.
С таким, как он, дружить
Не скучно, но опасно.

Принес его домой.
Еще он долго злился,
Разбил сервант ногой,
А к утру обмочился...

Пошли бутылки сдали —
Друзьями снова стали.

ДУРАКИ

Едим селедку,
Она орет:
— Вот колбаса по дорожке идет!
Бросили селедку,
Побежали за колбасой.
Клоков в колготках,
Я в трусах, но босой.

Наступил я на кошку,
А Клоков на червяка.

Растянулись мы вдоль дорожки,
Два дурака.
Порвал он колготки,
А я трусы.
Остались мы без селедки,
А главное, без колбасы.

КРУШЕНЬЕ

Оля задрала платье
И расставила ноги.
И вот — паровоз — опять я,
Качусь под мост по дороге.

Снова застрял я наглухо
Между ее ног.
Оля мне села на голову,
Я дальше катиться не мог.

Недолго мы так стояли.
От резкого торможенья
Мы с Олей на пол упали —
Произошло крушенье.

ДРУЖБА

Я в комнату к другу шагнул
И двери захлопнул тяжко.
Увидел, он икнул
И выронил на пол чашку.

Брошенная на тахту
Моя тут невеста лежала
С ватным кляпом во рту —
Лежала и не дышала.

Я развязал ей руки,
Вынул кляп изо рта.
Не издавая ни звука,
Трусы натянула та.

Надела колготки и платье,
Туфельки, шапку, пальто.
И вышла спиной пятясь,
Не хлопнув и дверью притом.

— Ну что же, прощай подруга!
Вот так, навсегда прощай.
Тронул плечо я друга:
— Ну что же, давай пить чай.

В КАМЕРЕ

Сидел я в камере-одиночке,
А какая-то девушка сидела выше.
Говорит: «Похлопай себя ладошкой,
Чтобы я тебя слышала».

Она мне спустила на нитке
Локон своих волос.
А я был острижен наголо,
Зато щетиной порос.

Я вылепил ей из хлеба
Человечка мужского,
Она к нему прилепила
Человечка другого.

К его голове я приклеил
Локон ее волос.
Потом нас по разным точкам
Тесный столыпин развез.

А тех человечков с полки
Ночью украла крыса.
Один человечек в локонах,
Другой человечек лысый.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСЕНКА

стилизация

Г.А.Устюгову.

Трешит рождественский мороз,
Окошко, как в слюде,
Карниз сосульками порос —
Весь в длинной бороде.

Скорей зажгите свечки,
Да не свалите ель.
Пушай, как искры в печке,
Сверкает канитель.

Подайте нам варенья,
Разлейте всем сбитень:
Сегодня День Рожденья —
Христа Младенца день!

Явился наш Мессия
Простой малыш, как все,
Упрятала Мария
Его в хлеву в овсе.

С небес звезда смотрела
Сквозь обветшалый кров,
В яслях младенца грело
Дыхание коров.

Цари, волхвы, весталки
На ту звезду пошли
И к Рождеству подарки
Иисусу принесли.

Густого меда соты,
В корзинках виноград,
Маслины и компоты,
Халву и мармелад.

Плетей чесночных косы
И сочный абрикос,
И груши, как кокосы,
И с голову кокос.

Бананы и гранаты,
И манго терпкий сок,
Кораллы и бриллианты,
И золота мешок.

И привели с собою
К нему слонов больших,
Ягнят, коней в пополах,
И даже львов ручных.

Был настоящий праздник
И пир, и бой зверей,
И слух разнесся сразу:
Родился Царь царей!

Той вестью пораженный
Царь Ирод побледнел...

Он всех новорожденных
В тот день убить велел.

Своих сатрапов резвых
Послал во все места —
Мальчишек перерезать
И вместе и Христа.

Мария и Иосиф
С ребёнком на осле
Нашли, лачугу бросив,
Приют в чужой земле.

— А золото? Подарки?
Мотки жемчужных бус?
— Все бросили, не жалко —
Остался бы Иисус.

Из клеток отпустили
На волю всех зверей,
Христа платком укрыли
И скрылись поскорей.

Идти опасно было,
Скакал в лесу отряд,
Но елочка укрыла
Их ветвью от солдат.

Дала та ель спасенье
И кров Семье Святой.
Поем мы в День Рожденья
О елочке простой.

«В лесу родилась елочка,
В лесу она росла
И много-много радостей
Детишкам принесла».

Вверху звезда сверкает,
А снизу крест — смотри.
И свечки полыхают --
Их ровно тридцать три...

Царь Ирод безобразный
Истлел давным-давно.
Едим мы торт на праздник,
Пьем сладкое вино.

И поднимая чаши,
Поем мы о Христе.
Как за грех он наши
Был распят на кресте.

Закрит скалой в пещере,
А поутру исчез...
Христос воскрес, мы верим,
Воистину воскрес!!!

О, дай, Иисус, нам счастья
И исцеленья дай,
Спаси нас от напасти
И вознеси нас в Рай!

Лек.89. Кресты

ИЗВЕСТЬ

Одел я защитную маску,
Противогаз и каску.
В дюралевом комбинезоне
Иду по заразной зоне.

Тащу за собой дегазатор
И ранцевый дегустатор,
Сито-носилки для извести
И если кого надо вынести.

Бегу к пораженному дому,
(Точнее, к его пролому).
Лежит на девице пацан нагой,
Отпихнул я его ногой.

Девицу кладу на носилки,
А нести ее нету силки.
Никак одному не вынести —
Завалил ее кучей извести.

Мы падали и бежали
От людей в заброшенные сады.
Бежали и падали,
Падали и бежали,
Я и девочка,
На которой расцветали цветы...

В траву упали,
Все проспали
И медленно просыпались...
Я и девочка,
С которой цветы осыпались.

САТИР

Дети строят лабиринт.
А какой-то дядя,
Точно штопор или винт,
Так и вьется сзади.

То запнется невзначай,
То толкнет девчонку.
И беззвучно хохоча
Лезет под юбчонку.

Дети в воду — он в воде,
Щиплет ягодицы.
И щекотится везде,
Взрослых не стыдится.

Наблюдает, как в кустах
Дети выжимаются.
Но не вызывает страх —
Дети улыбаются.

Пропилил окошко
В детский наш сортир.
Этот дядя с рожками,
Видимо, сатир.

ПРОГУЛКА

Я шел по Садовой к другу
Помочь отворить фрамугу.
У рынка один свирепый
Бросил в меня репой,
Я заголосил
Изо всех сил.
Человек с тяжелым мешком
Посмотрел на меня со смешком.
Прошел какой-то дурной
И харкнул в меня слюной.
Утерся я кулаком,
Швырнул в него грязи ком.
Подошли ребята: «Дай закурить!»
— «Я не курю». — Стали бить.
Очнулся, стою на площади.
Подошла женщина с головой лошади.
Сказала: «Будьте так злы,
Завяжите мне пальцы в узлы».
«Будьте добры, — отвечаю ей, —
Растяните мне рот до ушей,
А то я скоро совсем онемею,
А кроме крика ничего не умею...»
Какой-то мальчишка сбил меня с ног,

Но этим я пренебрег.
Так и пришел я к другу
По этому адскому кругу.
Он спал за столом бороною в борще.
Я тряс его за уши, но вотще.
Была разбита фрамуга.
Я ушел удрученный от друга.

НА ЛЕЖАКЕ

Весь день лежал на лежаке
И удивлялся очень,
Как трещины на потолке
Мне злые рожи корчат.

Одни смеются надо мной,
Другие горько плачут.
В ответ им, как глухонемой
И я кривляться начал.

Вдруг раскололся потолок
И рухнул, грохоча.
И захлестал крови поток,
Соленый, как моча.

Мне мать протягивает кость,
И мать, и смерть слепая —
За руку тощую, как трость,
Схватился, утопая.

На этот раз не утонул,
Я справился с кошмаром.
И на руках ее уснул
Светло, как в детстве старом.

АРКАДИЯ

В саду среди растений
Мы с Галей загорали.
На нас две темных тени
Тяжело упали.
Они в кожанках прочных,
У них в руках ножи,
А мы лежим в цветочках,
Как пупсы-голыши.
Оскалились злоеще,
Пешарили в кустах:
Забрали наши вещи
И сгнули в цветах.
Дрожим мы как от стужи
От страха и стыда,
Но ведь могло быть хуже,
А это не беда.
Гудят жуки и мошки,
И тучи комаров,
А мы плетем одежды
Из листьев лопухов.

Ем я восточные сласти,
Сажу на лавке, пью кефир.
Подошел представитель власти,
Вынул антенну, вышел в эфир.

— Сидоров, Сидоров, я — Бровкин,
Подъезжайте к Садовой семь.
Тут алкоголик с поллитровкой,
Скоро вырубится совсем.

Я встал и бутылкой кефира
Отрубил его от эфира.

ОГОРОД

Посреди огорода к шесту
Привязал я ворону убитую.
Вечером мимо иду —
Вижу свинью в огороде сытую.

Зарезал свинью, привязал к шесту
И на работу ушел.
Домой с работы иду,
А в огороде козел...

ВЧЕРА

Вчера хороший был денек,
Сегодня плоховатый
Я на матрац дырявый лег,
Матрац, набитый ватой.

Вчера на этом месте,
Как с грелкой среди льдин,
С тобой лежал я вместе,
А нынче я один.

ЖАЛОБА ПРОКАТЧИКА

Работал я ключником на прокате,
Волочил полосу в калибр.
Вставал на восходе, приходил на закате,
Выпивал бормотухи литр.

В цехе копоть и газ угарный,
Пыль стальная и смрадный дым.
Уходил я с завода старым,
А приходил молодым.

На нижнем конце стана
Забуксовали валки.
Рядом начальники встали,
Глядят на меня, как волки.

Зажал я крепко клещами
Извивающийся раскат.
От натуги кости трещали,
Все ж задал его я его назад.

А не то бы была авария
И платить бы пришлось мне.
Оттого-то такой и старый я,
Грею душу в вине.

ШАРЛАТАНЫ

Пришли какие-то люди,
Таких я вроде не видел.
Одна с головой на блюде,
Тот, верно, кого-то обидел.

Другой, с тесаком на макушке,
Этот, с язвами на руках.
На стол поставили кружки,
Блюдо с башкой — просто страх!

Из кухни принес колбасы я,
Дал им домашние тапки:
Ведь люди пришли босые,
Одетые в драные тряпки.

Выпили молча, без закуса,
Траур у них, видать.

Схватил я девицу за косу,
Попросил станцевать.

Согласилась девица,
Скинула с плеч тряпье...
А все же знакомые лица,
И где-то встречал я ее.

Но где? Но когда? Не припомню...
Только было уже такое:
Пьянка в комнате темной
И голова покойника.

Гости с рубцами и язвами,
Особенно этот — сивый —
С язвами безобразными,
Не красавец, однако красивый.

— Иван! — подошла девица к блюду.
Иван вдруг открыл глаза.
— Давай предадимся блуду! —
И запрыгала, как коза.

Сбросила тряпки последние,
Стала совсем гола.
Седой вынул нож из темени,
Воткнул его в середину стола.

Второй почесал в затылке.
Руки простер к окну:
Появилось еще три бутылки...
Я тайно припрятал одну.

На колени мне села девица,
Худоват оказался зад.
Недовольный Иван косится,
Покосился, закрыл глаза.

Седой опрокинул кружку...
Потом они в угол легли.
Я дал им диван-раскладушку,
Но они им пренебрегли;

Тогда я спросил у девицы,
Раздвинув ножки дивана:
— Скажи мне, что это за лица? *
— Да просто два шарлатана.

— А как зовут тебя? — Ира.
Вот и жену мою так.
Прости, что простынь не стирана,
Теперь я уже холостяк.

Прижались мы тесно друг к другу,
И я погрузился в сон...
Страшный сон — я вскочил с испугу,
Отключил будильника звон.

На диване от тела впадина,
А от гостей ни следа.
Приложился к бутылке краденой —
Там лишь уксусная кислота.

СЦЕНА

- Я Блока люблю.
— А я люблю яблоко...
И в пушки играть люблю.
— А я люблю читать Пушкина.
— Ну и дурак!
— Ах, вот ты как,
— Получай же синяк!..
(пауза)
— Пушкина любишь?
— Люблю, люблю,
И Блока люблю больше всех любвей,
Только больше меня не бей!
— А Блока-то ты читал?
— Нет, не читал, но видал.
Кран подъемный его поднимал,
Блок качнулся и в лужу упал.

ВЕЛИКАНЫ

- Давид хрупкий и очень хилый
В сравненьи с волосатым великаном.
Давид слабый, зато хитрый —
Вложил незаметно в пращу камень.
- Раскрутил ремешок и метко кинул —
В лоб попал, лежит Голиаф.
Рот раскрыл, а ноги раскинул,
Дремучую бороду к небу задрал.

Сел Давид, закрылся руками.
Плачет горько и причтает:
— Почему эти бедные великаны
Всегда от маленьких погибают?!

ОСЕНЬ В ЛЕТНЕМ

Изящный Аполлон,
Волшебник песнопенья,
В рогожу наряжен,
Стоит, как привиденье.

А вот Меркурий ловкий,
(Так вывеска гласит)
Обмотанный веревкой
Теперь не улетит.

Амур под мешковиной...
И не могла б узнать
Проказливого сына
Сама родная мать.

А где же тут Венера?
— А вон скрипит фанера.

ОН ВСЕ ИЗНАЧАЛЬНО ПРИНИМАЛ

В нашем доме на Пушкинской, 10, Олег бывал последний год очень часто. Здесь он всегда имел у кого-то ночлег, хлеб, водку. Потом ему стали в водке отказывать.

Олег — один из трех близких мне умерших поэтов. Я стал как бы их подшефным. Леонид Аронзон и Евгений Михнов за месяц, за два предчувствовали свою смерть. А Григорьев последние два-три месяца постоянно говорил, что уже умер. Называл себя мертвецом.

Умер он очень по бытовому. Остался ночевать у меня, потом встал. Здесь, говорит, твердо, пойду туда, где мягче. Ушел в другую квартиру. Ночью ко мне прибежали взволнованные, напуганные подвыпившие люди. В три часа у него хлынула кровь из сосудов пищевода, его увезла «скорая». Шестнадцать часов после этого он еще жил. У него было прободение язвы, обычно от этого не спасает даже операция.

Карнавального вокруг него создавалось очень много. И даже после смерти. Я два года не мог найти рецепт своих очков, и вдруг оставшиеся от Олега очки точно мне подошли. После его смерти кто-то нашел огурец в чьей-то забытой сумке, мы вымыли его съели — и потом поняли, что это была сумка Олега. Он уже лежал в земле, а мы ели забытый им огурец.

В другом оставленном им портфеле я нашел рукопись, которую он считал потерянной еще с 87-го года. В рукописи были видны следы работы, тяжелой работы. Я даже подумал: кто-то пытается писать «под Олега»... А потом — вдруг выход, несколько строчек очень близких к нему, которых еще никто не знал. Вот эти: «Некуриный петух сорвал с курицы перья и пух. Теперь бегаёт по улице непетушина курица». В найденной там же записной книжке я обнаружил много телефонов наших общих друзей. Нашел я и свой телефон десятилетней давности.

Сам он не размыкался очень на людей. Оставался всегда независимым человеком. Можно сказать, что его «составляли»

чужая и собственная водка, чужой и собственный хлеб, и в общем, чужие и собственные мышцы. Были драки, его били — мышцы становились чужими. Печень у него тоже была чужая, не его — она торчала... А водка, хлеб и мышцы — все это соединялось.

Он жил без крыши над головой. Он принял эту роль, роль бомжа, поскольку в нем сидел очень средневековый человек, даже язычник. Здесь явно напрашиваются параллели с Вийоном.

Он все изначально принимал. Это был всегда высокий полет. Мозг всегда был ясный. Однажды он лежал у меня пьяный, услышал музыку из приглушенного телевизора и сказал: Бетховен. Назвал вещь, сказал: Караян. Это был действительно Караян, и он не мог знать заранее...

Олег был человек великолепной культуры. Он очень любил Карла Орфа, ему нравилась «диалогность» Орфа, его аранжировки: шепоты, крики, перевод многих инструментов на ударные. Ему очень нравился Борис Тищенко, с которым они долгое время дружили, их связывал интерес к определенной культуре.

Иногда в общении Олег был страшен. Но вел себя так лишь оттого, что любил результативность встречи. А результативность зависела от таланта человека, с которым он встречался. Есть два глагола, которыми можно обозначить все его эмоции: он или восхищался, или рычал. Рычал — тогда, когда его не понимали.

Он всегда был глубоко занят самообразованием. Оно у него было точным. В художественной школе Олег учился вместе с Шемякиным, Целковым, Устюговым... Человек десять, представляющих сейчас таланты мира, были в ту пору выгнаны из СХИШ за «не ту» руку, «не те» тенденции рисования. Причем Олег как раз в рисунке был академист.

В изобразительном искусстве Олег стал отцом того направления, которое я бы назвал «пышный» или «барочный» примитивизм. Постэкспрессионистские цвета: ярко-зеленый, ярко-малиновый, ярко-желтый кадмий... В 60-е годы было много людей, которые работали в этой манере. И считали себя его учениками. Эдуард Зеленин, например...

Почему он не стал художником? Художник больше требует отстоявшегося места — чтобы было, куда ставить мольберт, класть краски... А так — у него остались рисунки в рукописях — на полях, по-пушкински. И не случайно, что он был отпет в той же самой церкви.

Даже во время отпевания присутствовал какой-то момент

театральности. Многие из тех, кто пришел на отпевание, впервые поднимались по лестнице домовой церкви на второй этаж, где небольшие объемы, затишье, тени, сохранившаяся старая живопись... Это были для них новые ощущения. И строгий отец Константин тоже невольно внес элемент карнавальности — проходя мимо толпы страдающих людей, многие из которых едва ли не впервые пришли в церковь, он сердито указал: «В левой руке держат свечку! Правой крестятся!» Люди не знали как это делают! И все быстро переложили свечки из правой руки в левую. А разве не спектакль, когда вокруг гроба появилось дикое количество видеокамер и аппаратов, снимающих друг друга?.. Но главное — страдали все подлинно.

Все его неприятности с властями, с милицией тоже носили элемент театральности. Впервые это случилось в начале 70-х после выхода его первой книги «Чудаки». Он шел с авоськой, в которой были новая рукопись и фугас вина. Шел и искал художника Юру Галецкого. Перепутал дома. Спускаясь по лестнице, обратился к двум «торговым дамам»: сестренки, вы не знаете где живет Юра Галецкий? Он почему-то считал, что все должны это знать. Те обиделись на слово «сестренки», стали толкаться, он начал защищать авоську. Кто-то из спускавшихся в этой компании скрутил его. Отвели в милицию. При обыске обнаружили в кармане восемьсот рублей. Откуда такие деньги у гопника? Это я за книгу получил, «Чудаки» называется. А чем вообще вы занимаетесь? Где работаете? Работал раньше над «Чудаками», теперь — над новой книгой... Ага, тунеядец! Суд. Отправили в Вологду, в ссылку. Может это кошунственно звучит — но эта ссылка его в чем-то спасла. Он был страшно болен полиартритом — а попав в свой, родной климат, излечился. Из ссылки привез и прозу — великолепную «взрослую» прозу. Она сейчас считается потерянной. Но на самом деле где-нибудь хранится. Многие люди специально крали у него рукописи, чтобы они потом не пропали.

В милиции он оказывался и тогда, когда пытался защитить более беспомощных людей. Последний суд над Григорьевым, который кончился условным наказанием, был связан с тем, что Олег заступился за художника Гену Устюгова... Я знал Олега в его безобразиях. Это не столько сильный человек, сколько вспыльчивый, рычащий.

Было много историй — и смешных, и безобразных одновременно. Иногда дело шло к тому, что милиционеры просто старались не

смотреть в его сторону...

В один из своих последних приходов ко мне он сказал: знаешь, Боря, я не отстоял себя как живописца. Я спросил: а как прозаика? Не отстоял. И как взрослого поэта тоже. Я отстоял себя только как детского поэта. Детские стихи — они же коротенькие...

Борис Понизовский

ВЫХОДЯЩИЙ

При жизни Олег Григорьев выпустил три книжки для детей с двумя большими перерывами. В первом он побывал на «стройках народного хозяйства», о чем составил лаконичное воспоминание: «С бритой головою, В робе полосатой Коммунизм я строю Ломом и лопатой.» А во втором чуть было не угодил туда же, да был отвоёван изрядно осмелевшей по перестроечному времени общественностью. Затем случился «буклет» — в сущности, сложенный вчетверо неразрезанный лист, пущенный — уж не знаю насколько удачно — в продажу неким философическим кооперативом с одеклонным названием «Лесная река».

Вовсе не хочу сказать, что этого мало. Иные не видали и строчки собственной, типографски напечатанной (по крайней мере в пределах Великой Шестеренки). Скорее, это констатация библиографического факта: именно, три книжки и «буклет» (да плюс публикации в детских газетах и журналах). Но Григорьев, конечно, не был «детским поэтом». Не был он и поэтом «взрослым», как простодушно выражаются в своем кругу профессиональные составители «считалок» и «дразнилок». Не был он ни честным эскапистом, ни бесчестным халтурщиком (где проходит между ними граница, лучше не спрашивайте, никто этого не знает и никогда уже, видимо, не узнает). К особой ситуации в литературном процессе привела Григорьева особая эстетика*, что лишний раз доказывает, если это еще нуждается в доказательствах, его поэтическую первородность, его — наиредкостнейшую для советского человека — адекватность самому себе.

Всем известный, но никому не близкий, высоко ценимый, но не вводимый в расчеты (ни в подпольные, ни в паркетные), не нацеплявший маску пьяницы, асоциала и самородка, а — в виде исключения — бывший и тем, и другим, и третьим, Григорьев как бы проскальзывал, что твой Чарли Чаплин в «Новых временах» между зубчатых колес жизненной машины со всеми соот-

* в большинстве случаев было наоборот: выбранная (или навязанная) социальная ситуация диктовала творческую принадлежность

ветствующими травматическими последствиями для себя как психофизической и социальной единицы, но безо всякой опасности для себя, как поэта. «Проблемы выбора» для него не стояло, в самом буквальном смысле — он то ли не знал, то ли не хотел знать об ее существовании, и это, как видится теперь, на некотором расстоянии от ушедшего времени, и было единственным решением — потому что все возможности оказывались плохи, сам акт участия в выборе делал выбранный путь почти бессмысленным.

Поэтика Олега Григорьева находится в областях, где цинатканый на сумму «вторичных эстетических признаков» взгляд редактора не подозревал вообще никакой поэтики. Было смешно и большое спасибо. Подобное же, чисто физиологическое воздействие предопределило и «народный успех»* григорьевского стихотворения «про электрика Петрова», положившего основание целому фольклорному жанру, так называемым «садиственным частушкам», высвобождавшим и перерабатывавшим ту разлитую в жизни латентную жестокость, которая в полной мере и наигрубейшем виде открывается только сейчас. Народное подсознание так же не опознало в Григорьеве представителя серьезной (что значит книжной, чуждой, интеллигентской) культуры, как и редакторское. Было страшно — и спасибо еще большее. Но в обоих случаях, поскольку Григорьев не подделывался ни под то, ни под другое подсознание, горговал, так сказать, «готовым платьем», а не «шил на заказ», это не перерождало его авторской сути и ограничивало воздействие от неадекватного использования его стихов (чем он, конечно, мало себя заботил, да и не должен был) чисто терапевтическим эффектом — русские дети двадцать лет проходили на его стихах терапию страхом и терапию смехом, к сожалению, большей частью разделно, и эта разделенность предопределялась именно что вышесказанной неадекватностью, несоразмерностью их использования.

Очень распространено мнение, будто Олег Григорьев — «наследник обериутов». Вообще, в их наследники легко зачисляется всякий, кто спосодобился вызвать смех у благодарной аудитории и выказал при этом некоторые литературные претензии, — и Дмитрий Пригов, и Владимир Друк, и Игорь Иргеньев — спасибо еще, что не Жванецкий. Не стану сейчас отвлекаться на выяснение слабой стороны таких явлений, как поэтика обериутов и нынешний московский авангардизм (да и прежний московский авангардизм,

* иных почему-то беспредельно восхищающий.

крученыховского, что ли, типа), но применительно к Олегу Григорьеву этого вопроса обойти не удастся. Действительно, к «оберитутам» (в историко-культурном смысле малосодержательный, но пока что всеупотребимый термин) Григорьев ближе, чем кто бы то ни было из «смешащих», поскольку его стихи, как и стихи Хармса, Введенского, раннего и среднего Заболоцкого*, иногда Олейникова, относятся к *серьезной поэзии*, то есть способны, в отличие от юмористической версификации, проникать в экзистенциальные состояния сквозь щели между ужасом и смехом. Но вот само соотношение, сам принцип взаимодействия первого и второго, выражаясь не по-русски, и делает всю разницу. Проще всего это сформулировать так: в оберитутских стихах (да и в прозе с пьесами) действительно *страшно*, потому что на самом деле *смешно*. У Григорьева действительно *смешно*, потому что по-настоящему *страшно*. В наше время не надо доказывать близкородственность этих инстинктивных проявлений, но необходимо сказать, что в сфере серьезного искусства одного вне другого практически не существует. Если ощущается только страх, или только смех, или даже и то, и другое, но последовательно, дискретно, а не одновременно, одно в другом (что в чем — вот что принципиально), мы, скорее всего, находимся в сфере чисто (или по современной моде замаскированно) развлекательного.

У Олега Григорьева своя, оригинальная пропорция этих состояний и свой, оригинальный способ извлечения их друг из друга, что собственно, и обеспечивает ему право называться оригинальным поэтом.

Есть и другое, не менее важное обстоятельство. «Оберитутская» локальная культура (как сейчас уже можно судить не только по основным текстам, но и по «сопутствующему материалу»** — дневнику Якова Друскина или записям «Бесед чинарей») была в высшей степени рефлексивна. Она наблюдает себя со стороны, строит поведение своих участников по законам высокоинтеллектуальной трагической игры, «трагической забавы», как выразился формально принадлежащий, а по сути противополож-

* подчеркиваю «периодизацию», просто чтобы напомнить о той пещерной простоте, с какою подчас работала вышеупомянутая чарли-чаплинская машина — посадили *раннего* Заболоцкого, а выпустили *позднего*.

** очень часто не менее значительному художественно.

ный ей Константин Вагинов. Она входит в некий мир, мир исходно ужасный, но еще находящийся в процессе стремительного ухудшения историческими (в широком смысле) обстоятельствами.

Ничего подобного не происходит с миром Олега Григорьева. Он — единственный обитатель стабильной, уже прочно рутинизированной реальности, которую и ощущает в ее и своей единственности — не в процессе, но в результате.

Обериуты входили в чужой смешно-страшный мир, а Олег Григорьев выходит из своего страшно-смешного мира — он, как и все серьезные писатели наших времен и мест, — *выходящий*. И он сам это знал, может быть, безотчетно, но знал. Иначе бы не появлялись у него, паря над добродушной жестокостью существования, такие чудесные строки, напоминающие о «жителе Рая», как назвал кто-то Леонида Аронзона, поэта как будто генерально чуждого Олегу Григорьеву: *«Смерть прекрасна и так же легка, Как выход из куколки мотылька»*.

Этот долгий, мучительный выход, который он назвал, и был вправе назвать, прекрасным и легким, Олег Григорьев — на мой вкус, один из замечательнейших поэтов истекшего тридцатилетия — уже закончил. Прочитанная вами книга — попытка посылить показать его поэзию во всей ее неразложимой сложности. Удалась ли эта попытка — судить вам.

О.Юрьев

СОДЕРЖАНИЕ

ДВУСТИШИЯ

«Смерть прекрасна и так же легка...»	5
«Что, если мир раскрутить посильнее?»	5
«Друг от друга тянули блин...»	5
«Идем отрядом дисциплинированно...»	5
«Засмотрелся на ивы плакучие...»	6
«В давке меня исковеркали...»	6
«Стреляли тучи точно танки...»	6
«Сверху расширился, снизу сузился...»	6
«Пойду пожалуйюсь маме...»	6
«Опустил в мумие ногу рахитическую...»	6
«Друзья слетаются ко мне...»	6
«Мне врач бока лечил...»	7
«В крыше у нас брешь...»	7
«Жил и с этой, и с этой, и с той...»	7
«Застал я с ним жену радету...»	7
«С измятой встали мы постели...»	7
«Ревел человек в коляске...»	7
«И с ней, и без...»	7
«Упал я - вот неудача!»	8
«Если б знал, что падать тут...»	8
«Раскрылись глаза в глазах...»	8
«Мы разошлись, и как прежде...»	8
«Окошко, стол, скамья, костыль...»	8
«Глаза безглазы и лица безлики...»	8
«Вытекает на пол тесто...»	8
«Для обзорно-шумовой изоляции...»	9
«Пес тоскует на цени...»	9
«Чтобы выразить все сразу...»	9
«Учился в шести разных школах...»	9
«Я волновался от страха...»	9

«У меня трещали колени...»	9
«И вот сижу я взаперти...»	9
«Сидоров впал в кручину...»	10
«Стою и не верю своим глазам...»	10
«С наперсниками разврата...»	10
«На Невском я встретил друга...»	10
«Скворцы ручьют...»	10
«Сизова была угловатой...»	10
«Костю кузовом задела...»	10
«С кудрявой собачкой подмышкой...»	11
«По улице ходят люди с утрюмыми лицами...»	11
«Дерево зывало к вечности...»	11
«В одной парилке парились двое...»	11

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

«Наложил на рельсину...»	12
«Воровал я на овощебазе...»	12
Разное	12
«Мы с О сидели за К и ели Г...»	12
«Тухлый взбалтывал пряного...»	13
«Мальчик Шмяк и девочка Шлеп...»	13
«Все уменьшилось в мире...»	13
«Вы будете с нами обедать?»	13
«Тушил я пожар зонтом...»	13
«Я с папой искал маму...»	14
«Упал цветок в большом горшке...»	14
«Тут играют в деньги...»	14
«Я к другу пришел налегке...»	14
«Старушка с куском мыла...»	14
«Я взял бумагу и перо...»	15
«Лобастый схватил пупастого...»	15
«Бархан – кочующая гора...»	15
«Мальчишеская девчонка...»	15
«Далеко-далеко от всяких кроватей...»	15
«Дети бросали друг в друга поленья...»	16
«Пахнет утром, снег хрустит...»	16
«Схватили за ногу правую...»	16
«Однажды Сережа и Оля...»	16
«Не свались в колодец, Ольга...»	16

«В окне стоит человек...»	17
«Кто-то не поленился...»	17
«Пришли с бормотухой друзья...»	17
«Сизов умер, но ожил снова...»	17
«Как проходняк квартира...»	17
«Разбил в туалете сосуд...»	18
«Поймали жидкого и сухого...»	18
«Прохоров Сазон...»	18
«Ну, как тебе на ветке?»	18
«Мазохисту на лавке...»	18
«На заду кобура болталась...»	19
«Меня ударили вчера...»	19
«Один башмак мой чавкал...»	19
«Голым в речку я нырнул...»	19
«От меня шагах в сорока...»	19
«Трубка стреляла, как пушка...»	20
«Говорящий ворон на окошко сел...»	20
«Зашли мы к Сизову с приятелем...»	20
«Бутылку чернил...»	20
«Обломки стула...»	20
«Как у крупной птицы...»	21
«В столовой с откусанным боком...»	21
«Мой приятель Валерий Петров...»	21
«Вдоль реки бежал Аким...»	21
«Пляж давно опустел...»	21
«Залез на столб я смоляной...»	22
«Застрял я в стаде свиней...»	22
У гроба	22
«Был праздник с весельем и танцами...»	22
«В самую темную ночь...»	22
«Я спросил электрика Петрова...»	23
«Считал я в камере время...»	23
«Случайно я жил в этом веке...»	23
Невеста	23
«Злые дети с счастливыми рожами...»	23
«Как бумажный пароходик...»	24
«При внезапном громком стуке...»	24
«Жена моя наклонилась голая...»	24
«Поставил посуду под кран...»	24
«В квартире что-то упало...»	24

«Участковый стал в двери стучать...»	25
«Жена торговала колбасой...»	25
«Пошел я на утопленницу...»	25
«Шел домой я на ночлег...»	25
«На нос уселась стрекоза...»	25
«Среди камней живым комком...»	26
«Громадные, выше крыш...»	26
«Тонет муха в сладости...»	26
«Увязался М за Ж...»	26
«Я шел и рассказывал всем прохожим...»	26
«Приехала жена из Сочи...»	27
«Лежу я в одиночестве...»	27
«Растворил я жену в кистлоте...»	27
«Жену свою я не хаю...»	27
«Внедряю я в землю бур...»	27
«Т. мыла пол...»	28
«Встало солнце рыжее...»	28
«Лежу на мешке с сеном...»	28
«Убитую у сквера...»	28
«С бритой головою...»	28
«Смирнов, работавший около...»	29
«Жили мы тесным кругом...»	29
«Симульнул дурака сдуру...»	29
«Пьем, пытаюсь не упасть...»	29
«Стол стоял на полу...»	29
«Рожа моя полупьяная...»	30
«Друг подавился треской...»	30
«Девушка в кустах полуголая...»	30
«Лежит жена на кровати...»	30
«Девочка красивая...»	30
«Первую получку справили...»	31
«Стою за сардельками в очереди...»	31
«В вареную круто погоду...»	31
«Чтобы быть белей и краше...»	31
Щелчок	31
«Крест свой один не сдержал бы я...»	32
«Дом, полный криков людей и звона кастрюль...»	32
«Что легче нести? Человека в мешке...»	32
«Сидит на окошке Сизова нагая...»	32
«Ошупаешь живот — и остро печень...»	32

«Сижу я у окошка...»	33
Звезды	33
Рубль	33
«По потолку проделав путь...»	33
«Верните мне срочно штаны...»	33
«От дома до нашего магазина...»	34
«Мы ждали в столовой супа из курицы...»	34
«Наш очкастый Сиваков...»	34
«Каблуков пошел на пляс...»	34
«Топор, сквозь шею ушедший в плаху...»	34
«То, что меня любило...»	35

МНОГОСТИШИЯ

Волчок	36
Кривляки	36
Суп	37
Когда?	37
Холостяк	37
Лоскуты	38
Ром	38
Куда?	39
Пьедестал	39
Гений	39
Игрушки	40
Кузнечик	40
Вдвижка	41
Ступороз	41
Блокада	42
В спальне	42
Первач	43
Катушка	43
Дедушка	44
Спицы	44
Секунды	45
Стаканы	45
Моряк	46
Помог	46
Букет	47
Дрожащие стихи	48

На собрании	49
Былина	50
«Сказал я девушке кротко...»	50
Песня про тесто	51
Свекровь	51
Тыква	52
В камере пыток	52
«Мясник Сизов, бычью тушу рубя...»	53
«В поле попал агитатор...»	53
Шекспирт	
Сонет 301	53
Сонет 302	54
«Оделся во все я красное...»	55
Куб, шар, цилиндр	56
«Я мялку вынимаю...»	56
Жемчужина	57
Ты	58
«Пришла в воскресенье Светка...»	58
Угро	59
Йога	60
Танец	62
Дорожка	62
Гвозди	63
Винты	64
Мотылек	66
Боты	66
Кирпич	68
Все	69
Драка	71
Яблоко	71
Алмаз	72
Травильщица	72
Рихтовка	73
Лента Мебиуса	74
Коля	76
Родник	77
Абстиняга	78
Сырье	79
На балконе	80
Рана	80

Слезы	81
За углом	82
Двор	83
Купол	84
Дружба («Коля Тарелкин с Катей дружил...»)	85
Щи	86
Тени	86
Сизов	87
Дураки	88
Крушенье	89
Дружба («Я в комнату к другу вошел...»)	90
В камере	91
Рождественская песенка	92
Известь	96
«Мы падали и бежали...»	96
Сатир	97
Прогулка	98
На лежаке	99
Аркадия	100
«Ем я восточные сласти...»	101
Огород	101
Вчера	102
Жалобы прокатчика	102
Шарлатаны	103
Сцена	106
Великаны	106
Осень в летнем	107
Б.Помиковский. Он все изначально принимал	108
О.Юрьев. Выходящий	112
<i>Содержание</i>	116

КНИГИ АССОЦИАЦИИ "КАМЕРА ХРАНЕНИЯ"

Камера хранения. Четыре книги стихов. М., 1989, 208 стр.

Поэтические книги:

Олег Юрьев. Стихи о небесном наборе.

Ольга Мартынова. Поступь январских садов.

Дмитрий Закс. Прекрасных деревьев союз.

Валерий Шубинский. Балтийский сон.

* **Камера хранения. Выпуск второй.** Спб., 1991, 256 стр.

Литературный альманах.

* **Камера хранения. Выпуск третий.** Спб., 1993, 222 стр.

Литературный альманах.

* **Олег Юрьев. Прогулки при полой луне.**

СПб., 1993, 144 стр.

Книга о деревьях, насекомых, женщинах и, конечно, о луне.

* **Олег Григорьев. Двустишия, четверостишия и многостишия.**

Спб., 1993, 122 стр.

Готовятся к печати

** **Камера хранения. Выпуск четвертый.**

Литературный альманах. Ок. 200 стр. Среди авторов:

Е.Шварц, С.Вольф, О.Юрьев, В.Губин, О.Мартынова,

Д.Закс, С.Юрьенен и др.

Книга должна выйти в начале 1994 г.

** **Ольга Мартынова. Сумасшедший кузничек. Стихотворения.**

Ок.80 стр. Книга должна выйти в конце 1993 г.

** **Дмитрий Закс. Agia d'Acquaio и другие стихотворения.**

Ок.80 стр. Книга должна выйти в конце 1993 г.

** **Сергей Вольф. "93+94". Стихотворения**

Ок.80 стр. Книга должна выйти в конце 1993 г.

Книги, помеченные *, можно заказать и получить почтой.

Их цены в этом случае:

альманахи - 15 нем. марок за экземпляр

авторские книги - 10 нем. марок за экземпляр

за пересылку - 2 нем. марки

На книги, помеченные **, принимаются предварительные заказы.

В издания, готовящиеся к печати, принимаются рекламные объявления.

Заказы по адресу: Dmitri Zak, Roederbergweg 121

160385 Frankfurt am Main. BRD / fax: (069) 490 98 01

Олег Григорьев
родился в 1943 в Вологодской области,
умер в 1992 в Санкт-Петербурге.

Прижизненные издания:

- «Чудаки» (1971),
- «Витамин роста» (1980),
- «Говорящий ворон» (1989),
- иллюстрированный буклет «Среди камней живым...» (1990).

